

Н. Е. Берлизов

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ АХЕМЕНИДСКОГО ИМПОРТА В РАННЕПРОХОРОВСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ

Данная проблема впервые была поднята М.И.Ростовцевым, использовавшим иранские предметы из раннекочевнических курганов Урала для обоснования их отличия от скифских и как датирующий материал (Ростовцев 1918: 76-81). А.А.Иессен использовал ахеменидские импорты из Приуралья, доказывал гипотезу о наличии торговых контактов между номадами и Ираном (Иессен 1952: 228, 230-231). Новые находки позволили противопоставить точке зрения А.А. Иессена предположение о том, что персидские изделия могли быть платой сарматам-наездникам, служившим в войске Ахеменидов (Савельева, Смирнов 1972: 121-122; Мошкова 1981: 184).

Проведенное в последнее время уточнение абсолютной и относительной хронологии сарматских древностей (Берлизов 1994; 1994а) позволяет связать приток ахеменидского импорта в сарматские степи с конкретными событиями.

Набор импорта из девяти раннепрохоровских погребений Южного Приуралья* и Курджипского кургана в Закубанье достаточно однороден: золотые гривны, ритоны, металлические блюда, золотая чаша, золотой сосуд с ручками в виде архаров, алебастровый флакон с личным клеймом Артаксеркса I (Табл. 1) - предметы "социально-престижные". Из этого перечня несколько выпадают лишь красноглиняные хумчи, фляга и набор бус с соловым орнаментом на сердолике. Сопутствующий материал представлен мечами с серповидными навершиями и прямыми, либо сломанными под тупым углом перекрестиями, бронзовыми трехлопастными втульчатыми и

железными трехгранными черешковыми наконечниками стрел, бронзовыми литыми плоскими дисковидными зеркалами с боковой прямой ручкой, стеклянными бесцветными амфоровидными бусами и относится к IV-нач. III вв. до н.э.. Датировка подтверждается особенностями обряда: погребения основные подкурганые (в двух случаях курганах-кладбищах) в дромосных могилах, подбоях, костяки ориентированы головами на юг. С раннепрохоровскими погребениями Урала сближается по конструкции погребального сооружения (деревянная гробница с дромосом на древнем горизонте под насыпью с каменной наброской) Курджипский курган, типично-сарматскими являются и найденные в нем мечи с серповидными навершиями и утраченными ныне, но зафиксированными на плане погребения прямыми перекрестиями (Галанина 1980: Рис. 7, Кат. 60-61). Подобные детали обряда, оружие, а так же фиксируемая в Курджипсе широтная ориентировка погребенных не характерны для аборигенных памятников Кубани IV в. до н.э.. Поэтому логичнее считать Курджипский курган раннепрохоровским, а присутствие в составе инвентаря ахеменидских фиал и гривны с наконечниками, близкими прохоровским из к.1 (Галанина 1980: 33-34, Кат.18) сближает его с рассмотренной выше группой комплексов из Приуралья.

Узкая дата большинства комплексов укладывается в рамки последней трети IV-нач. III вв. до н.э. Для Курджипса это подтверждается датировкой серии античных изделий (Галанина 1980: 54-55). Гривна из Новокумакского к.1 находит аналоги кон. IV в. до н.э. в Аму-Дарьинском кладе и погребении из Суз

(Зеймаль 1979: 26. Кат. 131). В разрушенном Новокумакском кургане сочетаются архаичное зеркало 1 типа по А.М. Хазанову (Хазанов 1963) и красноглиняная хумча, близкая экземплярам из сарматских погребений Приуралья III-II вв. до н.э. (Пшеничнюк 1983: Таб. XI, 9; XVIII, 14; Садыкова 1962: Таб. II, 9; XII, 8). Наиболее вероятная дата погребения - рубеж IV-III вв. до н.э.. Аналогично можно датировать погребения с хумчами из к.23 Покровского II могильника (Яблонский и др. 1994: 45-46 58-59). В одном случае хумча сопровождалась набором бронзовых наконечников стрел, которые в Приуралье были вытеснены железными черешковыми уже со второй трети III в. до н.э.; во втором - типично-раннепрохоровским круглодонным горшком и зеркалом с валиком по краю диска и орнаментом в виде концентрических кругов - надежными хронологическими индикаторами 1-2 трети IV в. до н.э. (Берлизов 1994; 1994а). В к.8 п.5 из Мечет-Сая интересен набор бус, в котором сочетаются полихромные стеклянные типа 18 - III-II вв. до н.э., 260 - III-II вв. до н.э. и 459 последней четв. IV в. до н.э. (Алексеева 1975: 58; 1978: 48; 1982: 41), что позволяет датировать погребение рубежом IV-III вв. до н.э. (или только кон. IV в. до н.э. с учетом передатировки Беглицкого некрополя, по материалам которого датировались ранее бусы типов 18 и 260). Аналогично датируется набор бус из Матвеевского к.3, включающий стеклянные одноцветные экземпляры типа 193д и полихромные типа 319 (Алексеева 1978: 52, 74). Хронологическая позиция к.1 у с. Прохоровка в настоящее время подверглась попытке омоложения (Полин 1992: 75-76), которая вряд ли справедлива. Основной набор хронологических индикаторов из этого погребения - железные трехгранные наконечники стрел, литое бронзовое зеркало с проковкой в центре диска и плоской боковой ручкой, меч с прямым перекрестием, серповидным навершием и золотой обкладкой рукояти и ножен находят ближайšie аналоги в к.2 и 3 той же группы, Красногорском кургане и других выразительных комплексах Южного Приуралья IV в. до н.э. (Мошкова 1963: рис. 10, Таб. 17-18; ОАК за 1903 г.: рис. 257). В пользу ранней даты комплекса говорит и наличие индивидуальной насыпи над могилой - с нач. III в. до н.э. они сменяются в Приуралье кур-

ганами-кладбищами. Выше отмечалось сходство в оформлении наконечников гривен из Прохоровки и из Курджипса, что позволяет сузить дату 1 Прохоровского кургана до последней трети IV вв. до н.э.. Не противоречит этому датировка блюд, которая определяется в пределах рубежа IV-III вв. до н.э. (Иессен 1952: 218; Мошкова 1963: 8). Надпись на одном из блюд по палеографическим особенностям была отнесена П.К. Коковцевым ко второй трети IV в. до н.э., и только очертания одного знака могли свидетельствовать о более поздней дате (Коковцев 1918), однако остальной материал из данного комплекса явно противоречит такому допущению. Итак, комплекс к.1 у с. Прохоровка вероятнее всего относится к последней трети IV в. до н.э.. Аналогично можно датировать курган на 14 км железной дороги Орск-Ново-Аккермановка.

Оставшиеся два комплекса можно отнести к более раннему периоду времени. Погребение из Филипповки по грандиозности погребального обряда и богатству инвентаря сближается с курганами илекской знати VI-V вв. до н.э., однако обнаруженные в нем меч с серповидным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием и набор железных наконечников стрел позволяют поднять его дату до нач. IV в. до н.э.. Большинство находок из Долинного относится к V в. до н.э. (Мошкова 1981), но сочетается с золотой обкладкой деревянного сосуда, аналогичной экземпляру IV в. до н.э. из п.3 к.9 могильника Пятимары 1 (Смирнов 1975: 36-37) и богатых курганов Нижнего Дона IV-нач. III вв. до н.э. (Максименко 1983: Рис. 17/15; 20/11-13). Это позволяет отнести к нач. IV в. до н.э. и комплекс из Долинного.

Итак, ахеменидский импорт попадал к сарматам в самом начале и самом конце IV в. до н.э.. Состав его не позволяет поддержать "торговую" гипотезу А.А. Иессена: парадные гривны, ритоны, фиалы, флакон Артаксеркса I являются предметами социально-престижными, а некоторые из них (флакон, чаша Атромитра) еще и слишком личными, рядовой же материал, который обычно иллюстрирует наличие торговых контактов, представлен четырьмя сосудами и набором бус.

Предположение о том, что сарматы получали дорогие иранские изделия в уплату за воинскую службу выглядит логичнее; а

достаточно узкие хронологические "коридоры", в которые укладываются их проникновения в Сарматия, позволяют с большей степенью достоверности установить, кто пользовался услугами сарматских "кондотьеров".

Комплексы из Филипповки и Долинного можно связать с участием сарматов в междоусобице Кира Младшего и Артаксеркса II в 400 г. до н.э..

Второй выплеск импорта из Ирана в сарматские степи совпадает по времени с разгромом империи Ахеменидов Александром Македонским. Сарматы могли использовать общую политическую нестабильность на Востоке так же, как в VII в. до н.э. это удалось киммерийцам и скифам. Известно, что некие "дахи" и "массагеты" служили Дарию III и блестяще проявили себя при Арбелах (Died. XVII. 59; Cunt. IV. 15.1-12). Именно в этом деле при разграблении македонского обоза могли быть получены фиалы из Прохоровки и Матвеевки, алебастровый флакон с клеймом Артаксеркса (из добычи, полученной македонянами при Иссе), греческие доспехи из Прохоровки и Курджипса. Наградой за службу могли быть гривны из двух последних памятников и Ново-Кумска. Известно, что в 329-328 гг. до н.э. дахи и массагеты оказали поддержку Спитамену (Cunt. VIII. 1. 3-6, 9; VIII 3). О возможности отождествления с дахами-даями части кочевников Приуралья уже высказывался К.Ф. Смирнов (Смирнов 1975: 153), и часть уральских погребений конца IV в. до н.э. с иранским импортом может принадлежать дахам-союзникам Дария III.

Вполне вероятно, присутствие сарматов и в македонском войске и участие их в деле добычи из разграбленных персидских храмов и сокровищниц. Псевдо-Каллисфен о присылке европейскими скифами Александру 70 000 конных стрелков (Ps. Kallisphe., 66). О неоднократных переговорах Александра с номадами и присутствии в его войске к моменту начала индийского похода дахов и массагетов упоминает Квинт Курций Руф (Cunt., VII, 6, 8, 9, 17; IX, 2, 24).

Возможно, часть ахеменидских импортов попала к сарматам уже в эпоху смут диадохов.

Участие сарматов в бурных событиях кон. IV в. до н.э. на развалинах империи Ахеменидов документируется и другими данны-

ми. Так в это время в Прикаспии исчезают памятники скифоидной Куюсайской АК (Вайнберг 1979: 45), сменяемые погребениями с сарматизированным инвентарем в наземных каменных склепах (принятые в прохоровской культуре погребения в ямах, подбоях и катакомбах здесь малореальны в силу малой мощности гумусного слоя) (Юсупов 1986: 40-154). К этому же времени можно отнести появление сарматских святилищ на Устьюрте. Здесь датировку позволяет сузить сочетание на статуях изображений гривен и мечей с серповидными навершиями и прямыми перекрестиями, не встречаемое в комплексах III-II вв. до н.э. и конструкция стоящих подле статуй алтарей, копирующих изделия кон. VI - нач. IV вв. до н.э. (Ольховский, Галкин 1990: Рис. 6-8). В памятниках Чирик-Рабадской АК и кургане Иссык встречены раннепрохоровские мечи и зеркала (Акишев 1978: Таб. 24, 33; Археология СССР 1992: Таб. 3, 5, 9).

Одновременно замечается запустение степи между Днепром и Волгой на протяжении всего III в. до н.э. (Полин 1992: 101; Берлизов 1994; Он же 1994а). В пользу альянса номадов и Александра Великого может говорить и серия горитов "Чертомлыкской" серии, протянувшаяся цепочкой от Вергины через "Геррос" у Днепровских порогов до гробницы савроматского царя в Елисаветовской.

Интересны данные палеоантропологии сарматских степей в Средней Азии. На рубеже IV-III вв. до н.э. в Прикаспии, единый для Куюсайской АК, европеоидный долихокраний средиземноморский антропологический тип (Трофимова 1979: 77-85) сменяется в культуре наземных склепов с сарматизированным инвентарем смешением долихо-, мезо- и брахикраний типов. Среди них преобладают характерные для сарматов IV-I вв. до н.э. памиро-ферганский (он же степной, он же тип среднеазиатского междуречья) и андроновский типы (Трофимова, Гинзбург 1972: 168). В свою очередь в сарматской среде в III-I вв. до н.э. распространяется долихокrania*, несвойственная для сарматов, но обычная для скифов, куюсайцев и саков Южного Памира (Дебец 1948: 146-148, 160-163, 167-171; Гинзбург 1960: 36-37; Трофимова 1979; Фирштейн 1970).

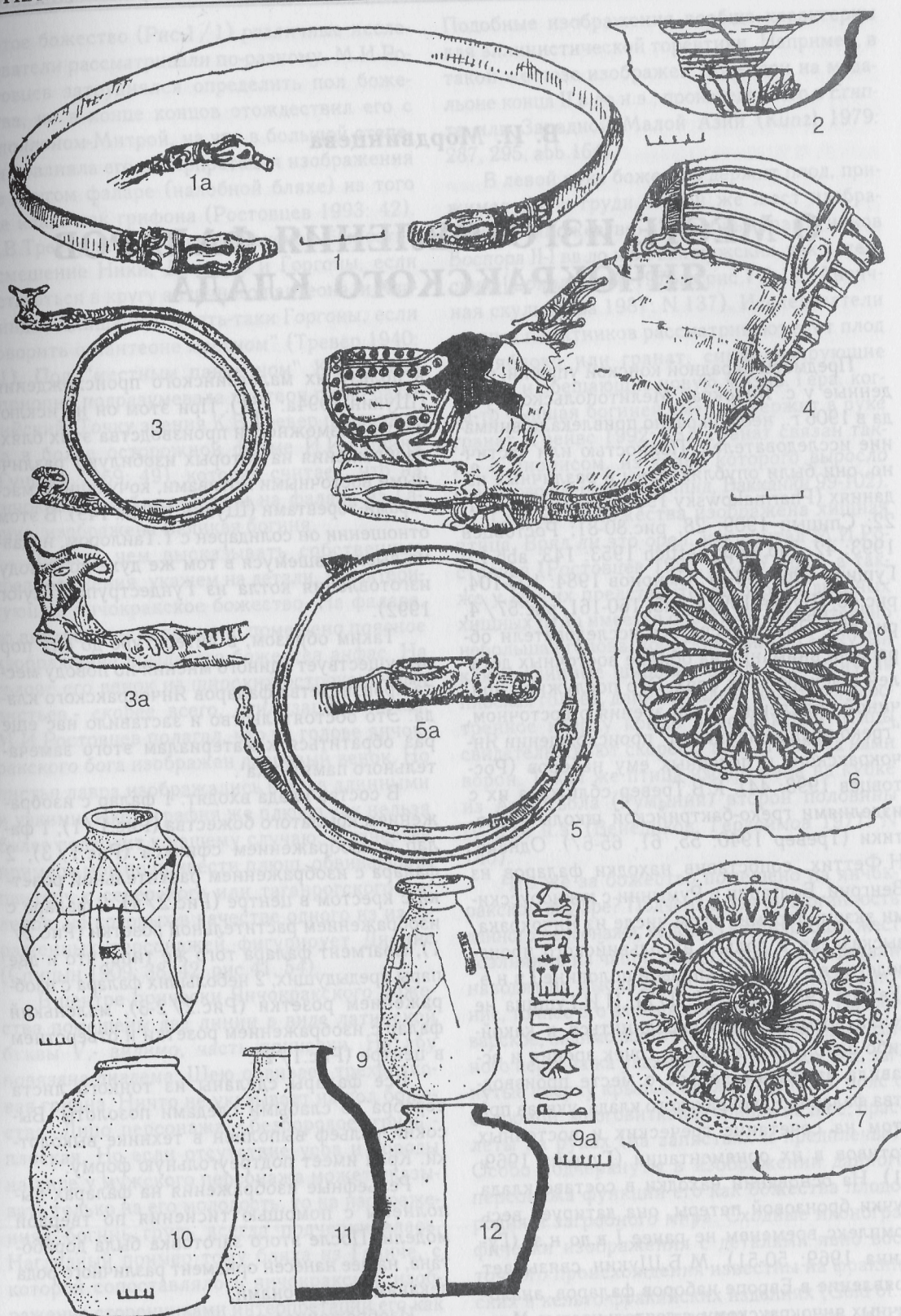
Таким образом, появление второй волны ахеменидского импорта у сарматов может быть связано с их присутствием в Персии в

период походов Александра Великого в качестве наемников обеих воюющих сторон. Этим же, а не гипотетической экологичес-

кой катастрофой, можно и объяснить и запустение степи между Волгой и Днепром в III вв. до н.э..

Список литературы

- Акишев К.А. 1978. Курган Иссык. М.
- Алексеева Е.М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, Вып. Г1-12. Ч.1
- Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, Вып. Г1-12. Ч.2
- Алексеева Е.М. 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, Вып. Г1-12. Ч.3
- Археология СССР 1992. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Берлизов Н.Е. 1994. Хронология и хронография Азиатской Сарматии // Проблемы истории и культуры сарматов. ТДК. Волгоград.
- Берлизов Н.Е. 1994а. Основные этапы хронологии и истории сарматской культуры Поволжья-Приуралья // Античная цивилизация и варварский мир. ТД IV семинара. Новочеркасск.
- Вайнберг Б.И. 1979. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХЭЭ - XI.
- Галанина Л.К. 1980. Курджипский курган. Л.
- Гинзбург В.В. 1960. Антропологическая характеристика саков Южного Памира // КСИИМК - 80.
- Дебец Г.Ф. 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ АН СССР. н.с., №4.
- Зеймаль Е.В. 1979. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.
- Иессен А.А. 1952. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА - XVI.
- Коковцев П.К. 1918. Приложение к работе М.И. Ростовцева "Курганные находки Ориенбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма" // МАР. Вып.37.
- Максименко В.Е. 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.
- Мошкова М.Г. 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д.1-10. М.
- Мошкова М.Г. 1981. Комплекс находок с ритонем из Уральской области // СА - 4.
- Ольховский В.С., Галкин Л.Л. 1990. Культовый комплекс на Устьюрте (предварительное сообщение) // СА - 4.
- Полин С.В. 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.
- Пшеничнюк А.Х. 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.
- Ростовцев М.И. 1918. Курганные находки Ориенбургской области эпохи позднего и раннего эллинизма // МАР. Вып. 37.
- Савельева Т.В., Смирнов К.Ф. 1972. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ - 3.
- Садыкова М.Х. 1962. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки // АЭБ. Т.1.
- Смирнов К.Ф. 1975. Сарматы на Илеке. М.
- Трофимова Т.А. 1979. Черепа из погребений куюсайской культуры в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая // Кочевники на границах Хорезма. ТХЭЭ - XI.
- Фирштейн Б.В. 1970. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.
- Хазанов А.М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА - 4.
- Юсупов Х. 1986. Древности Узбоя. Ашхабад.
- Яблонский Л.Т. и др. 1994. Раскопки курганных могильников Покровка I и Покровка II в 1993 году // Курганы правобережного Илека. Вып. 2. М.

1-2. Курджице, осн. погр.; 3. Новый Кумак к.1 1971; 4. Долинное р.п.;
 5-7. Прохоровка к.1; 8. Мечет-Сай к.8 п.5; 9-10. Новый Кумак р.п. 1971 года;
 11. П Покровка к.23 п.2; 12. П Покровка к.23 п.18.